

Париж. Быт. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

Париж. Быт. Владимир Владимирович Маяковский

Этот очерк – о быте Парижа. Я не был во Франции до войны, бывшие утверждают – внешность Парижа за эти годы изменилась мало: толпа, свет, магазины – те же. Поэтому буду говорить только о сегодняшних черточках.

ОТНОШЕНИЕ К НАМ

Германия пережила медовый месяц любви к РСФСР. Эта любовь перешла в спокойную дружбу. Иногда даже ревниваю, со сценами. Так было, например, во время поездки Эррио по России. Некоторые газеты пытались видеть в этом измену – роман с француженкой.

Париж видит сейчас первых советских русских. Красная паспортная книжечка РСФСР – достопримечательность, с которой можно прожить недели две, не иметь никаких иных достоинств и все же оставаться душой общества, вечно показывая только эту книжечку.

Всюду появление живого советского производит фурор с явными оттенками удивления, восхищения и интереса (в полицейской префектуре тоже производит фурор, но без оттенков). Главное – интерес: на меня даже установилась некоторая очередь. По несколько часов расспрашивали, начиная с вида Ильича и кончая весьма распространенной версией о «национализации женщин» в Саратове.

Компания художников (казалось бы, что им!) 4 часа слушала с непрерываемым вниманием о семенной помощи Поволжью. Так как я незадолго перед этим проводил агитхудожественную кампанию по этому вопросу, у меня остались в голове все цифры.

Этот интерес у всех, начиная с метельщика в Галле, с уборщика номера, кончая журналистом и депутатом.

Конечно, главные вопросы о Красной Армии.

Один француз, владелец художественного магазина, серьезно убеждал меня, что не стоит пытаться завоевать Францию, так как, во-первых, это невозможно (Жоффри!), а во-вторых, надо сохранить латинскую культуру. И закончил с истинно парижской любезностью: «Ваше красное вино нужно немного смешать с нашей водой, и тогда это будет напиток и для французского обеда».

Пришлось указать, что меню для него будут составлять французские рабочие без моего непосредственного участия.

Этот интерес не только любезность к гостю.

Так, например, на банкете, устроенном по случаю моего приезда художниками Монмартра, известный французский критик Вольдемар Жорж первый тост предложил за Советскую Россию. Предприятие в парижской обстановке не очень безвредное.

Даже мне приходилось все время вводить публичные разговоры исключительно в художественное русло, так как рядом с неподдельным восторгом Жоржа всегда фимиамился восторг агентов префекта полиции, ищущих предлога для «ускорения» моего отъезда.

Интерес растет во всем. Начинается, конечно, с искусства. Парижские издатели ищут для переводов писателей РСФСР. Пианист Орлов играет у м-м Мильеран. Мадам Мильеран входит в комитет помощи детям, официально устраивающий советскую выставку живописи. Для выставки этой отводится лучшее помещение – комната Лувра.

Кончается упрочением и расширением влияния т. Скобелева, от чуть ли не заложника, до неофициального, но все-таки торгового и пр. представителя Советов.

ОТНОШЕНИЕ К ЭМИГРАЦИИ

С возрастанием интереса к людям РСФСР, естественно, падает «уважение» к белогвардейской эмиграции, переходя постепенно в презрение.

Париж. Быт. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Это чувство становится всемирным – от отказа визирования белогвардейских паспортов Германией, до недвусмысленного указания на дверь «послу» Бахметьеву в Вашингтоне.

В Париже самая злостная эмиграция – так называемая идейная: Мережковский, Гиппиус, Бунин и др.

Нет помоев, которыми бы они не обливали все относящееся к РСФСР.

Вплоть до небольшого «театра для себя».

Мне рассказывал, напр., один парижский литератор о лекции Гиппиус на невинную тему о Блоке. Исчерпав все имеющиеся в стихах, в печатном материале указания на двойственность, на переменчивость его, на разный смысл «12», – она вдруг заминается...

– Нет, нет, об этом я не стану говорить.

Из рядов встает Мережковский:

– Нет, обязательно скажите, тут не должно быть никаких недоговорок!

Гиппиус решительно отказывается:

– Это антиеврейские фразы из личной переписки, и их неудобно опубликовывать, нет. Нет, не могу...

Ничего достоверного, но тень на Блока – на лучшего из старописательской среды, приявшего революцию, – все-таки по мере возможности брошена.

«Идейность» эта вначале кое-что давала: то с бала Grand Prix[1] перепадет тысяча 200 франков, то дюшес де Клармонт устроит вечер. Это для верхушек эмиграции. Низы воят, получая только изредка обеденные карточки.

Впрочем, в связи с провалом «идейности» уменьшилось и количество «вещественных доказательств невещественных отношений».

Перед моим отъездом уже какая-то дюшесса выражалась так: надо устроить этот вечер, чтоб они хоть месяца два не лезли! Все-таки солидный шаг из русской интеллигенции в... в черт его знает во что!

Я ни слова не прибавляю в этих разговорах от своей ненависти. Это точная, записанная мною в книжечку характеристика самих низков парижской эмиграции.

Лично я с этими китами не встречался по понятным причинам, да и едва ли они мне б об этом рассказали.

Рядом с изменением «душевных» отношений меняется и правовое.

При мне громом среди ясного неба прозвучал отказ германского посольства от визирования эмигрантских паспортов.

При постоянных поездках в низковалютную Германию для поправки денежных дел – это большой удар. Многие стали бешено наводить справки, где же им взять наш красный паспорт (на первое время, очевидно, решили иметь два), потом последовало, по настоянию французов, очевидно, разъяснение, что паспортов не визируют, но будут визировать бумажки. Все-таки с бумажками им много хуже – по себе знаю!

Зато в положительную радость привело германское консульство визирование в Париже первого, моего, советского паспорта. Я мирно заполнил анкету. Служащие засуетились. Побежали к консулу, вышел сам, прекраснейший и добрейший г-н Крепс, тут же велел не требовать никаких анкет от советских. В секунду заполнив все подписи, выдал мне визированной мою редкость.

ВНЕШНОСТЬ

Уличная, трактирная и кафе́йная жизнь Парижа во всех разгарах. Кафе́ эти самые через магазин, два – обязательно. До 12-ти – по кафе́ и ресторанам, после 12-ти и до 2-х – Монпарнас, и после всю ночь – Монмартр или отдельные шоферские кабачки

Париж. Быт. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru на Монпарнасе. А под самое утро – особое рафинированное удовольствие парижан – идти смотреть в Центральный рынок Галль пробуждение трудового Парижа.

Париж не поражает особой нарядностью толпы, вернее, не кричит. На центральных улицах Берлина эта нарядность прет более вызывающе: во-первых, заметнее, наряду с массой ободранных берлинцев, во-вторых, в Берлин приезжают одеваться «средняки» из высоковалютных стран. С неделю перед отъездом носят все на себе, чтобы вещь слегка обносилась и не вызвала особой алчности таможенников.

Потрясает деятельно, очевидно, сохраняемая патриархальность парижского быта.

Где бы вы ни были: в метро, в ресторане, на рынке, в квартире – те же фигуры, давным-давно знакомые по рисуночкам к рассказикам Мопассана.

Вот в метро глухой поп уселся на самом неудобном кондукторском месте, положил у ног свои религиозные манатки, уперся глазами в молитвенник. Полная непоколебимость. По окончании молитвы – ошеломляющее сведение: проехал две станции за своей церковкой. К аскету возвращается долго сдерживаемая страстность (еще бы – обратный путь новые 50 сантимов!), рвется на ходу прямо в тоннель, отбивается от хватающих за фалды спасителей, на остановке теряет шапочку и, блестя тонзурой и размахивая крыльями пелерины, носится по перрону, призывая бога-отца со всеми его функциями разразить громом кондуктора.

Трактир. Двое усачей в штатском, но украшенные военными орденами и огромными усищами, привязав лошадей у входа, зашли запить прогулку по Булонскому лесу. Сидят с величественностью Рамзеса, всеми зубами штурмуют омара, отрываясь только на секунду ругнуть немцев или оглядеть вновь вошедшую даму.

А в Тюльерийском саду – ряды черных старух над всевозможнейшими вязаниями.

Только изредка взвизгом контраст: у остановки метро ободранная женщина, не могущая из-за тесноты попасть во второй класс и за отсутствием сантимов – в первый, кроет заодно и хозяев метрополитена и проклятую войну.

– Раньше, когда был жив муж, небось этого не сделали бы!

Сначала меня поразило, особенно после Берлина, полное отсутствие просящих нищих. Думал, «во человецех благоволение». Оказалось другое. Какая-то своеобразная этика парижских нищих (а может, и полицейская бдительность) не позволяет им голосить и протягивать руку. Но все эти мрачные фигуры, безмолвно стоящие сотнями у стен, – те же берлинские отблагодаренные Пуанкаре герои войны или осколки их семей.

ВЕСЕЛИЕ

В Париже нет специфических послевоенных удовольствий, захвативших другие города Европы.

Есть танцы. Увлечение тустепами большое, но нет этого берлинского – «восьмичасовой танцевальный день!» – чтобы все от 4 до 7 и от 9 до 2 ночи бежали толпами в «диле».

Нет и своеобразных американских игр: 200 часов непрерывной игры на рояле, пока играющий не умрет или не сойдет с ума.

Нет и английской игры в «бивер». Разыскивают на улице бородача, и кто первый увидел и крикнул «бивер», тот выиграл очко (в Лондоне нет бородачей, только Бернар Шоу да король Георг, – Бернар Шоу брить бороду не хочет, а Георг не может, «так как на почтовых марках 1/3 мира он с бородой»).

Веселие Парижа старое, патриархальное, по салонам, по квартирам, по излюбленным маленьким кабачкам, куда, конечно, идут только свои, только посвященные.

Уличное веселие тоже старое, патриархальное. В день моего отъезда был, напр., своеобразный парижский карнавал – день святой Екатерины, когда все оставшиеся в девушках до 30 лет разодеваются в венки и в цветы, демонстрируясь, поя и поплясывая по улочкам.

Европейские культурные удовольствия «для знатных иностранцев» запрятались на

Париж. Быт. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Монмартр.

Если бы наш фореггер бросился сюда, ища «последний крик», «шумовую музыку» для огорошения москвича, – он был бы здорово разочарован. Даже все «тустепы» и «уанстепы» меркнут рядом с потрясающей популярностью.. российских «гайда-троек». Танцуют под все русское. Под Чайковского (главным образом), под «Растворил я окно», под «Дышала ночь восторгом сладострастья», под «Барыню» даже! Играют без перерыва, переходя с мотива на мотив и от столика к столику за сбором франков. Раз, увидев протянутые мною 10 франков, и, очевидно, угадав русского, маэстро живо перевел скрипку на «Боже, царя храни» (публика продолжала танцевать), видя, что я отдергиваю франки, дирижер с такою же легкостью перевел на «Камин потух».

И в каждом оркестре обязательно гармонь, немного, говорят, усовершенствованная, но все же настоящая гармонь.

Недаром русские не только в присутствующих, но и в служащих. Танцуют, видите ли. Хозяин нанимает пару дам и пару стройных мужчин, так вот эти мужчины из аристократов русской эмиграции. В одном кабачке вижу знакомое лицо. – Кто это? – Это – ваш москвич. Один из золотой молодежи, известный всей Москве по громкому процессу об убийстве жены.

И вот – Монмартрский кабак: 40 франков в вечер и бутерброд.

ПАЛАТА ДЕПУТАТОВ

Рвуть осмотреть высший орган демократической свободной республики.

Перед зданием с минуту не могу вручить пропуск, все глаза устремлены на карету цугом, с длиннейшим эскортом. Кто? Сержант козыряет, но едущего за жандармерией не разглядеть – не то новый английский посланник, не то сам Пуанкаре.

Бреду через десятки инстанций. Каждая «инстанция» пронзительно кричит, передавая другой, другая проверит и кричит дальше, пока не добредаю до галерки. Еще темно (одно верхнее окно – крыша); депутаты собираются ровно в два часа дня, но все хоры и ярусы уже заняты благоговейным шепотом переговаривающимися под бдительным оком медализированных капельдинеров парижанами.

– Сегодня скучно будет, разве что Пуанкаре будет говорить по бюджету, вот тогда дело другое, тогда пошумят.

Ждем долго. Рядом старик (какой-то русский генерал, всем рассказывающий о двух своих сыновьях) тихо и уверенно засыпает.

Передо мною трибуна в три яруса, секретарский стол внизу, выше – ораторская трибуна, и, наконец, самая вышка – председательский «трон». Пред – полукруг депутатских скамей, меж ними чинно расхаживающие, сияя цепями, пристава (большинство – почетные инвалиды войны). Зал наполняется туго: вопросы не интересные, да и интересные решаются не здесь – за кулисами. Из 650 депутатов еле набирается сотня. Сосед называет: вот на крайней правой седой, лысый – это Кастело – роялист, вот этот левее черный – Моро-Джафери, слева пусто. Узкая и без того коммунистическая полоска еще сузилась с отъездом коминтернцев в Москву. Ровно в два отдаленный бой барабана, пристава выстраиваются, меж их рядами пробегает и всходит, гордо закинув голову, на свое место председатель Пере. Вопрос для политиканов действительно скучный – какой-то депутат центра поддерживает свою статью бюджета – поддержка медицинских школ. Депутат – провинциал. Провинциал горячится. Очевидно, говорить ему не часто – говорит, стараясь произвести впечатление, с пафосом.

Но впечатление маленькое.

Г-н Пере читает бумаги, депутаты расхаживают, читают газеты, от времени до времени начинают на весь зал переругиваться между собой.

Г-н Пере лениво урезонивает депутатов, оратор мчит дальше. Депутаты дальше шумят. Словом – «у попа была собака».

Без всякого комплимента приходится установить – даже в наших молодых советах можно было бы поучить палату серьезности и отношению к делу.

Париж. Быт. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Потеряв надежду на появление разнообразия в этом меланхолическом деле, расхожусь вместе со всей остальной расходящейся публикой.

ПОИСКИ ТЕХНИКИ

На обратном пути я стал бомбардировать руководителей моих просьбой избавить меня от политиканства депутатов и от искусства и показать что-нибудь новое из парижской «материальной культуры».

– Что у вас выстроили нового, покажите что-нибудь, что бы не служило или удовольствиям, или организации новых военных налетов.

Мои руководители задумались – такового что-то не припомним. Такого что-то за последние годы не было.

Отношу это к неосведомленности моих руководителей, но все же это показательно. Ведь вот в Москве, что ни говори, а какую-нибудь стройку, хотя бы восстановление – для нас и это много – все же любой покажет.

Наконец, на другой день художник Делонэ (опять художник!), раздумав, предложил мне:

– Поедем в Бурже.

БУРЖЕ

Бурже – это находящийся сейчас же за Парижем колоссальный аэродром.

Здесь я получил действительно удовольствие.

Один за другим стоят стальные (еле видимые верхушками) аэропланые ангары. Провожаящий нажимает кнопку, и легко, плавно электричество отводит невероятную несгораемую дверь. За дверью аккуратненькие, блестящие аэропланы – вот на шесть человек, вот на двенадцать, вот на двадцать четыре. Распахнутые «жилеты» открывают блестящие груди многосильнейших моторов. С каким свехлурвским интересом лазим мы по прекраснейшим кабинкам, разглядываем исхищрения и изобретения, любезно демонстрируемые провожающим летчиком.

Рядом второй – ремонтный ангар. Показывают одни обломки, – вот в этом летели через Ламанш, и сошедший с ума, в первый раз влезший пассажир убил выстрелом из револьвера наповал пилота. Погибли все. С тех пор пилотов и пассажиров размещаем иначе.

Рядом обивают фанерой длинненькую летательную игрушку. С гордостью показывают особый холст на крыльях – не уступит алюминию, не секрет.

Переходим через аккуратную, небольшую таможенную на гладко вымощенную площадку.

Грузятся два 24-местных аэроплана. Один в Лондон, а другой в Швейцарию.

Через минуту вынимают клинья из-под колес, аэропланы берут долгий разбег по полю, описывают полукруг, взвиваются и уже в небе разлучаются: один – на север, другой – на восток.

Хорошо-то хорошо, только бы если отнять у этих человеко-птиц их погромные способности.

Перед уходом мы, с трудом изъяснявшиеся все время с нашим любезным провожатым, пытаемся с тем же трудом его поблагодарить. Француз выслушал и потом ответил на чисто русском языке:

– Не стоит благодарности, для русских всегда рад, я сам русский, ушел с врангелевцами, а теперь видите...

Серьезную школу прошли! Где только русских не раскидало. Теперь к нам пачками возвращаются «просветленные».

Что ж, может быть, еще и РСФСР воспользуется его знаниями.

Вот Франция!

Париж. Быт. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru

А за всем этим памфлетом приходится сказать – ругать, конечно, их надо, но поучиться у них тоже никому из нас не помешает. Какая ни на есть вчерашняя, но техника! Серьезное дело.

[1923]

Комментарии

Париж. Быт. Впервые – газ. «Известия ВЦИК», М., 1923, 6 февраля.

Жоффри, Жозеф (1852–1931) – французский маршал, главнокомандующий французской армией в первую мировую войну, один из организаторов иностранной интервенции против Советской России.

...на банкете, устроенном по случаю моего приезда художниками Монмартра... – Банкет состоялся 24 ноября 1922 года.

Скобелев, Матвей Иванович (1885–1939) – работник Наркомата внешней торговли.

Бахметьеву в Вашингтоне. – Многие дипломатические представители царской России после победы Великой Октябрьской социалистической революции отказались подчиниться советскому правительству и продолжали незаконно именовать себя «послами» России.

Мережковский, Дмитрий Сергеевич (1866–1941) – русский писатель–декадент и реакционер, после Октябрьской революции – белоэмигрант, один из наиболее злобствующих врагов Советского Союза.

Бунин, Иван Алексеевич (1870–1953) – русский писатель, с 1920 года проживал за границей.

Блок, Александр Александрович (1880–1921) – великий русский поэт. Приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию и был в рядах первых строителей советской культуры.

...разный смысл «12»... – Речь идет о поэме А. Блока «Двенадцать».

Дюшес де Клармонт – герцогиня де Клармонт.

Монпарнас – район Парижа.

Сидят с величием Рамзеса... – Рамзес II, египетский фараон (1317–1251 до н. э.).

Тюльерийский сад – парк в Париже.

«Диле» – берлинские кафе, в которых посетители танцуют.

Фореггер, Николай Михайлович (1892–1939) – советский режиссер, руководитель творческой мастерской.

Узкая и без того коммунистическая полоска еще сузилась с отъездом коминтернцев в

Париж. Быт. Владимир Владимирович Маяковский mayakovskylvladimir.ru
Москву. – Во время пребывания Маяковского за границей в Москве работал IV
конгресс Коминтерна (5 ноября – 5 декабря 1922 года). В его работе приняли
участие несколько коммунистов – депутатов французского парламента.

Пере, Рауль (1870–1942) – председатель французской палаты депутатов в 1922 году.

С. Стыкалин

Примечания

1 Большой приз (франц.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://mayakovskylvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!